

Владислав ЛЕЦИК

член Союза писателей России,
выпускник БПИИ 1967 года

«СНОВА СТИХАМИ ПОВЕЯЛО...»

Октябрь 1963 года. Первые – после месяца колхозных работ – занятия в пединституте. Весь наш первый курс истфила – полторы сотни студентов, литераторы вместе с историками, – собрался в 340-й аудитории на лекцию по психологии. Её читает Николай Иванович Кузьмин, двухметровый атлет, невозмутимый, сдержанный, умело маскирующий короткими, едва заметными паузами своё заикание – следствие фронтальной контузии.

– Существует легенда, что Юлий Цезарь мог одновременно делать три дела: писать «Записки о галльской войне», выслушивать сообщения гонцов и отдавать приказы военачальникам. Так вот, это всё выдумки. И я вам сейчас это докажу. – Николай Иванович обвёл взгля-

дом аудиторию. – Кто-нибудь выйдет к доске и попробует сделать хотя бы два дела одновременно: прочесть вслух любое стихотворение, которое помнит наизусть, и написать под мою диктовку не очень длинное предложение. Есть желающие?

– Есть! – тут же раздался бодрый возглас. Все оглянулись. Ну конечно!..

По проходу между столами вышагивал своей подпрыгивающей походкой энтузиаста не кто иной, как Юра Курячий, тридцатилетний первокурсник, сутуловатый, лобастый, с буйной рыжеватой шевелюрой и неизменной восторженно-выжидательной улыбкой на лице, окончивший очно лишь четыре класса деревенской школы, а

семилетку и десятилетку – экстерном, но зато имеющий одиннадцать специальностей – шофёра, тракториста, токаря, газосварщика – и прочая, и прочая.

Курячий встал у доски. Перед великаном Кузьминым он казался маленьким, хотя был среднего роста. Но в его широкоскулой худощавой физиономии было столько воодушевления и хитрости, столько уверенности в собственной неисчерпаемости, что аудитория заинтересованно притихла.

– Я сначала целиком прочту предложение, которое буду диктовать, – сказал Кузьмин. – Итак: «Задача психологии – познание объективных законов психической деятельности человека»... Вы уже решили, какое стихотворение будете рассказывать?.. Хорошо. Начали.

Юра схватил мел и, под диктовку преподавателя торопливо выводя на доске каракули, громко проговорил:

Снова стихами повеяло
От молодой травы...

Посмотрел на написанное собственной рукой – и уши его стали малиновыми. Помолчал, обескураженно повторил:

Снова стихами повеяло...

На этом милосердно остановимся. Так ли важно договаривать, что, с ходу запутавшись, наш Юра Цезарь бесславно удалился на своё место? Важно другое: именно стихи Леонида Завальнюка оказались первыми, которые пришли на ум Юре Курячему – не столь уж, заметим, большому знатоку поэзии. Для меня это лучшее свидетельство того, насколько популярен был в шестидесятые годы Леонид Завальнюк в нашем вузе. Да только ли в нём? Помню, как в археологической экспедиции 1965 года на Зее, в устье Громатухи, бородатый археолог Володя по фамилии Дедов (родом, что любопытно, из Домодедово), копаясь в раскопе, с грустной улыбкой читал наизусть:

Шутки шутками, а Бобик слдох,
От любви собака околела...

Все тогда читали и его стихи, и его прозу. А осенью 1967-го я, новоиспечённый сотрудник районной газеты, в клубе таёжного посёлка Ольгинск смотрел с моим новым знакомым, начальником драги Женькой Макогонским, недавно появившийся фильм «Человек, которого я люблю». Фильм закончился, я спрашиваю: «Ну как?» – «Здорово!» – говорит. – «Это по Леониду Завальнюку, – говорю. – Ты “Дневник Родьки” читал?» – «Читал. А ты с Завальнюком знаком?» – «Да, – скромно так киваю, – встречался».

Ну, трепло. «Встречался...» Идём как-то по Благовещенску с приятелем, а он мне: гляди – Завальнюк! Вижу: невысокий мужчина, молодой, лет всего на пятнадцать старше меня, но уже изрядно облысевший, разговаривает на тротуаре с двумя молодыми дамами. Они обе ростом выше его, но уж так им нравится с ним разговари-

вать, прямо-таки перебивают одна другую... Мы прошли мимо. Вот и вся «встреча».

Лишь где-то уже в конце семидесятых я впервые присутствовал на его беседе в областной писательской организации. Личного знакомства тогда не состоялось – я просто сидел в числе других и слушал. Помню, что его, в частности, спрашивали, зачем и как он пиплет слова для песен. Он ответил:

– Песни, не в пример стихам, меня кормят. Хорошо оплачиваются. К тому же интересное занятие. Тексты песен – это не вполне стихи, а скорее что-то вроде либретто для музыки. Однако либретто тоже надо уметь написать, и это не так просто. Кое-кто пренебрежительно отзывается о поэтах-песенниках. О том же Николае Добронравове. А я его очень уважаю – он умеет! В тексте песен важно создавать словесные блоки, которые лягут на слух. Например: «Русское поле». Или: «Зелёное море тайги»...

Усмехнувшись, рассказал случай из своей московской жизни. Он пригнал свой «жигуль» на станцию техобслуживания – срочно сделать какой-то ремонт. Пузатый автомеханик ему отказал: надо было «положить на лапу» – а у Завальнюка таких денег не было. Но интересная деталь: хамски разговаривая с клиентом, пузатый механик одновременно мурлыкал под нос популярную тогда песенку: «Стара печаль моя, стара. Пора забыть тебя, пора...» – не подозревая, что слова песенки сочинил этот самый, стоявший перед ним, клиент.

– Мне хамит – и мою же песню мурлычет. А что мне делать? Пошёл восвоися...

Познакомились мы уже в 1986 году на квартире у Николая Курочкина и Светланы Борзуновой, куда Завальнюк пришёл со своим другом Марком Гофманом. Потом встречались во время его приездов в Благовещенск ещё несколько раз – в писательской организации, в редакции «Амурской газеты», на квартире у Гофманов...

*«Где дом друзей – там родина моя...»
Слева направо: Леонид Андреевич
Завальнюк, Верлена Львовна, Юлий
Маркович и Марк Либерович Гофманы,
Владислав Григорьевич Лецик*

Главное впечатление – умный человек. Постоянно думающий. Выслушивает вопрос – и отвечает толково и конкретно. Часто его ответы нестандартны и неожиданны, но при этом – ничего ради красного словца, никакого необязательного трёпа. Совершенно не похож на поэтов, которых «заносит».

У нас были хорошие отношения, но упаси меня Боже от хлестаковщины: «на дружеской ноге» я с ним никогда не был. Он, при всей своей простоте в общении, умел держать дистанцию. Тем непонятнее для меня было то, что случилось поздней осенью 1994 года. В маленьком двухэтажном особнячке на Калинина, 10, где в ту пору находилась редакция «Амурской газеты», организовали его встречу с любителями поэзии. Народу было много, потом, когда встреча закончилась и большинство разошлись, осталось человек восемь. Разговор стал свободнее, его просили почитать ещё и ещё. Кажется, немного выпили (к слову сказать, он никогда не злоупотреблял).

Перекур...

И вдруг, уставив в меня указательный палец, Леонид Андреевич произнёс:

– А Слава в будущем году начнёт писать стихи!

Вот тебе раз. С чего это он взял? Я никому не говорил, что в ранней юности, было дело, пописывал стихи. Но с той поры прошло лет тридцать! Да и вообще я уже утвердился в своей среде как прозаик... Какие стихи? Я пожал плечами да и забыл.

И вот тут – что хочешь, то и думай: он ошибся всего-то на два года! У меня, действительно, «снова стихами повеяло» – я опять начал писать их, но не в девяносто пятом, как выходило по его предсказанию, а в девяносто седьмом.

Однако это выяснится потом. А в тот вечер мы вышли из редакции «Амурской газеты», когда было уже темно. Завальнюк, Марк Либерович Гофман и сын его Юлий пошли к автобусу. Я проводил их до остановки и распрощался.

А наутро приходит на работу Юлий – мы работали вместе.

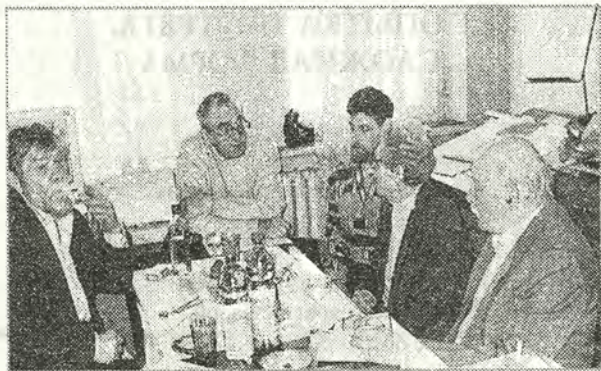
– Вот, Леонид Андреевич тебе передал! – и, усмехаясь, кладёт передо мной лист бумаги, а там отпечатано на машинке стихотворение, озаглавленное: «Попытка

портрета. Сложная форма». Я прочёл – ничего не понял. Прочёл второй раз – кажется, что-то уловил. Прочёл третий раз – расхохотался, позвонил ему, поблагодарил.

Это неизвестное, нигде не печатавшееся шуточное стихотворение Завальнюка я прилагаю в конце своих заметок. А пока...

Последняя наша встреча была в апреле 2004 года, в последний его приезд в Благовещенск. Накануне своего возвращения в Москву он пришёл ко мне в «РИО» с отцом и сыном Гофманами. Были ещё поэты Игорь Игнатенко и Николай Левченко. Я расстарался накрыть стол: и холодец шикарный, и сало с мясными прожилками... Но углубляться в одно только примитивное застолье Леонид Андреевич не дал. Вкусили-выпили, и он сказал: «А теперь почитаем стихи». И мы читали их по кругу: я, Игнатенко, Левченко, Завальнюк.

А потом – лишь редкие телефонные разговоры с Москвой. Смерть своего друга, Марка Гофмана, он пе-

*У В. Лецика в «РИО».
Второй слева – И. Д. Игнатенко*

реживал тяжело. Гофман не дождался выхода в свет его последней и, как считал сам Завальнюк, лучшей книги – «Летела птица».

Эту книгу Леонид Андреевич переслал мне с оказией. На титульном листе написал:

«Поэту Лецику от поэта Завальнюка с искренним профессиональным и всяким другим уважением. Будь счастлив, старик! Леонид Завальнюк. 20 октября 2009 г.».

...Заканчивая свои заметки, хочу вернуться к тому давнему, многим известному стихотворению – его я лишь обозначил в начале:

Снова стихами повеяло
От молодой травы.
Я каждому слову поверю,
Которое скажете вы,
Поверю, что вы наступаете
По руслу новых дорог,
Прочтите мне только по памяти
Десяток хороших строк...

Оно было напечатано на первой полосе обновлённой «Литературной газеты» – первый номер за 1959 год. Надо ли говорить, как гордились своим земляком на

Амуре! Однако вот что любопытно: сам Леонид Андреевич в последние годы оценивал это стихотворение невысоко. Ему горячо возражали, но он только головой в сомнении качал. Чуть было даже не выкинул его из сборника избранных — благо редактор Гофман не дал этого сделать.

Я не знаю, что именно ему не нравилось. Может быть, эти строки:

Зачем же вы молодость грабите,
Мимо стихов идя?..

Возможно, он видел тут экзальтированную асадовско-друнинскую назидательность, для него чуждую? Но это только моё предположение.

Леонид ЗАВАЛЬНИК

ПОПЫТКА ПОРТРЕТА. СЛОЖНАЯ ФОРМА

Лешик обьелся клёцок,
Выросла борода.
Лешик, как вольный лётчик,
Ищет свои города.

Лешик бежит по дороге,
Нежно трясёт колбасой,
Не помышляя о гробе,
О пиковой даме с косой.

Капусты не надо, не надо,
Импичмент валопе любой.
Под левой подмышкой — отрада!
Под правой подмышкой — долой!

Конечно, Леонид Завальнюк имел право на критическое мнение о собственных вещах. Тем более что он, буквально с первых публикаций заявивший о себе как о мастере, с годами писал всё лучше. Это поразительная особенность его таланта — постоянный, до самой старости, приток свежих сил в стихах, постоянная новизна горизонтов мира и уголков души.

И всё же это его молодое стихотворение я в обиду не дам никому, даже ему самому, умудрённому колоссальным опытом автору. Оно по-прежнему волнует меня. В нём живёт дыхание оттепельной эпохи, которая была временем надежд — и временем нашей юности.

А такими вещами не бросаются.

Октябрь 2011 г.

Вот он, движок на мазуте,
Статный, как старый грузин,
Красного кочета сути
В чёрность тщеты погрузил.

Вот он в четвёртой вселенной,
Следом за собственным «ах!»,
Жаркой надежды полено
Ищет в последних дровах.

И — «Лешик!» — зывают просторы,
Вольных небес мужики,
И принимает простое
Сложную форму тоски.

Октябрь 1994